

НѢКОТОРЫЯ

БИОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ О ШАМИЛѢ *).

Въ нашихъ газетахъ и журналахъ въ послѣднее время безпрестанно появляются статьи о Шамилѣ. Замѣчательно, что статьи эти почти всѣ противорѣчатъ между собою не только относительно его біографіи, но и въ описаніи его характера и даже наружнаго вида. Въ одномъ изъ номеровъ «Сына Отечества» помѣщены, кажется, самыя полныя о кавказскомъ героѣ свѣдѣнія, подъ заглавіемъ: *Шамиль-мюридъ, Шамиль-имамъ*, г. Савинова. Авторъ пускается даже въ такія подробности, которыя, очевидно, могли быть извѣстными или только самому Шамилю, или людямъ, бывшимъ къ нему весьма близкими во время описываемыхъ происшествій. Это обстоятельство, естественно, наводитъ тѣнь сомнѣнія въ достовѣрности нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ г. Савиновымъ. Случай коротко свелъ меня съ Шамилемъ. Читая ему разныя статьи о немъ изъ нашихъ журналовъ, я прочелъ и статью г. Савинова и, со словъ самого Шамиля, почти

(*) Статья эта напечатана въ «Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Т. X. Отд. II.

подъ его диктовку, записалъ нѣкоторыя подробности о его биографіи. Сообщаемыя г. Савиновымъ свѣдѣнія большою частію оказались несогласными съ записанными мною, и я рѣшаюсь теперь считать тѣ и другія. Пусть словамъ Шамиля не вѣрятъ: вольному воля; я убѣжденъ только, что лгать ему не было достаточныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сознается въ нѣкоторыхъ своихъ жестокостяхъ, хотя и приводитъ разныя обстоятельства въ оправданіе. Что касается до его характера, то я успѣлъ изучить его на столько, на сколько едва ли кому нибудь удавалось.

Статья г. Савиннова начинается такъ: *Шамиль взятъ, Шамиль въ плѣну, Коисубулинецъ Самуиль-Шамиль въ Петербургъ!...* Словомъ, старый и неспокойный господъ кавказскаго служака — на привязи. Что такое *Самуиль-Шамиль*? Это все равно, что сказать Петръ—Pierre или Людовикъ—Louis. Подумаешь, авторъ сдѣлалъ очень любопытное открытіе, сказавъ, что Шамиль и Самуиль одно и то же.

Далѣе слѣдуетъ биографія Шамиля. «Отца Шамиля—говорить г. Савиновъ—ни мы, ни, кажется, самъ Шамиль не знаемъ.... Говорятъ, будто бы до встрѣчи съ Казимуллою на раздольномъ поприщѣ казавата Шамиль былъ знакомъ съ нимъ еще тогда, какъ тотъ въ кизлярской мечети отправлялъ простую должность муллы, а Шамиль поденною работою въ кизлярскихъ виноградникахъ снискивалъ средства къ своему безвѣстному существованію.» Вотъ истина: отецъ Шамиля былъ гирсскій житель Мухаммедъ сынъ Али, а пятый предокъ — Кумыкъ Амиръ-Ханъ, человѣкъ очень извѣстный на Кавказѣ. Мать Шамиля, Баху-Месиду, по отцу была аварскаго племени. Отецъ ея былъ Пиръ-Будахъ, дѣдъ Амиръ-Али, а прадѣдъ — Манташъ, знаменитый въ цѣломъ Дагестанѣ. Отецъ Шамиля умеръ, когда послѣднему было 31 годъ; слѣдовательно, мудрено, чтобы сынъ не зналъ его.

Казимулла, или, правильнѣе, *Гази-Мухаммедъ* (*), былъ тоже житель Гирсъ, а отецъ его—родомъ изъ Хидатля. Домъ Гази-Мухаммеда находился черезъ два дома отъ дома Шамиля. Гази-Мухаммедъ былъ только четырьмя годами старше Шамиля, и этотъ говоритъ, что не помнитъ даже времени, когда не зналъ его, потому что они росли и играли вмѣстѣ, бывши дѣтьми. Гази-Мухаммедъ не только въ Кизлярѣ, но и нигдѣ никогда не

(*) Казимуллою его прозвали Русскіе, совершенно неправильно.

былъ муллою, точно такъ же, какъ Шамиль нигдѣ и никогда не былъ работникомъ; въ Кизлярѣ же они вѣстѣ учились у тамошнихъ муллъ.

Г. Савиновъ рассказываетъ, какъ Сагитъ-Эфенди, чисто появившій исламизмъ, съ большимъ успѣхомъ началъ опровергать мюридизмъ, какъ Шамилю было поручено раззорить Аракапы и заарканить проповѣдника, и какъ тотъ сжегъ Аракапы, не успѣвъ захватить Сагитъ-Эфенди, который бѣжалъ къ Асланъ-Хану казакумыкскому. По словамъ Шамиля, это невѣрно. Саидъ-Эфенди извѣстенъ былъ своею ученостію, по очень любилъ вино и народу то же проповѣдывалъ. Гази-Мухаммедъ давно съ нимъ за это былъ въ ссорѣ, и когда сдѣлался вмамомъ, собралъ войско и пошелъ на Харакапы. Подойдя къ селенію, онъ послалъ Шамиля съ отрядомъ. Шамиль вошелъ въ Харакапы и, обратившись къ собравшемуся пароду, сказалъ: «Саидъ васъ учитъ пить вино; несите же все ваше вино сюда и выливайте его въ домъ Саида». Приказаніе было исполнено, и комната Саида-Эфенди до того была залита виномъ, что всплыла на верхъ вся деревянная посуда. Послѣ того Шамиль удалился изъ Хараканъ, не сжегши ни одного дома. Что касается до Саида-Эфенди, то онъ и не зналъ о приходѣ войска, потому что ушелъ изъ Хараканъ раньше прихода Шамиля, по приглашенію Асланъ-Хана.

Далѣе г. Савиновъ говоритъ, что Шамиль только тамъ отличался подвигами, исполненными наувѣрства, гдѣ могъ самъ оставаться въ очастливой неприкосновенности, безъ уаляъ и аъ цълости. Такъ, напримѣръ, отсчитавъ нѣсколько ударовъ пагайкою родной матери, онъ, во время дѣлъ Каан-Муллы, нигдѣ не былъ явно передовымъ, былъ первымъ въ совѣтѣ и послѣднимъ въ бою. Я уже замѣтилъ, что довольно узналъ Шамиля и его доброе сердце. Когда я прочелъ ему о поступкѣ съ матерью, онъ не хотѣлъ даже отвѣчать; поэтому я отвѣчаю за него: Шамиль, человѣкъ истинно добрый, страстно любящій семью свою, не могъ сдѣлать гнуснаго поступка, приписываемаго ему, впрочемъ, не однимъ г. Савиновымъ. Что касается до обвиненія въ излишней осторожности, то лучшимъ опроверженіемъ этому служатъ 19 ранъ на тѣлѣ Шамиля, всѣ нанесенныя *штыками, кинжалами и камнями*: пульей онъ не былъ раненъ никогда. Мудрено, чтобы осторожный человѣкъ былъ такъ израненъ; не въ совѣтѣ же онъ получилъ эти раны.

Про Хамзатъ-Бека Шамиль говоритъ, что это былъ человѣкъ необыкновенно храбрый, но что онъ не былъ близкимъ товарищемъ Гази-Мухаммеда и только два раза паходился въ войскѣ послѣдняго, а остальное время дѣйствовалъ отдѣльно.

Относительно передачи Хамзата Русскимъ и потомъ бѣгства его Шамиль замѣтилъ, что глупо было со стороны Хамзата передаться и неосторожно со стороны Русскихъ повѣрять Асланъ-Хану и выпустить Хамзатъ-Бека.

«Вотъ наконецъ—пишетъ г. Савиновъ—насталъ двѣ ночи, темныя для насъ, но свѣтлыя для перваго мюрида.... Наши войска, на диво, отчаянно штурмуя Чумкескентъ, разметали и взяли его кирпичъ съ бревнами. Изъ него Кази-Мулла бѣжалъ и укрѣпился въ Эрпели. Русскіе его окружили; имамъ упалъ духомъ и благословилъ окружающихъ, сказавъ: «спасайся, кто можетъ!» Далѣе приедаются слова Шамиля, чрезвычайно краснорѣчивыя, но никогда имъ не говоренныя. Послѣ этой мнимой рѣчи, Шамиль съ Кази-Муллой, пользуясь туманомъ, бѣжали изъ крѣпости.

Послушаемъ самого Шамиля. Дѣло вотъ въ чемъ. Гази-Мухаммедъ, будучи въ Чумкескентѣ, узналъ, что Русскіе идутъ на Агачъ-Кале (подлѣ Газанишъ), пошелъ изъ Чумкескента на помощь, приготовилъ въ Агачъ-Кале все къ защитѣ, оставилъ часть войска, а съ остальною повернулъ къ Дербенту. Его спросили, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ; онъ отвѣчалъ: чтобы оттянуть Русскихъ отъ Агачъ-Кале. Прийдя къ Дербенту, онъ осадилъ его. Русскіе сейчасъ же пошли на Дербентъ, а Гази-Мухаммедъ, достигшій своей цѣли, снялъ осаду и вернулся въ Агачъ-Кале. Въ это время только пришла вѣсть, что Чумкескентъ разоренъ Русскими. Ни Гази-Мухаммедъ, ни Шамиль не могли бѣжать оттуда, потому что и не были тамъ. Находясь въ Агачъ-Кале, они узнали тайно, черезъ лазутчиковъ, что Русскіе идутъ и на другой день будутъ у крѣпости. Не дожидаясь этого дня, Гази-Мухаммедъ ночью тихо ушелъ изъ Агачъ-Кале, а Шамиль, даже не знавшій объ этомъ, остался въ крѣпости съ 300 человѣкъ. Наши пришли; начался бой; дрались до самой ночи; кончилось тѣмъ, что Русскіе отошли въ лагерь и стали далѣе пушечнаго выстрѣла. Тогда Шамиль вывелъ изъ нея войско и ушелъ съ нимъ въ Гимры.

Но самый любопытный эпизодъ — это взятіе Гимръ: тутъ Шамиль дрался, какъ герой, а про него говорятъ, что онъ бѣжалъ. Вотъ слова г. Савинова: «Имамъ заперся въ гимрской башнѣ съ 60 мюридами; Хамзатъ, въ 2 верстахъ отъ Гимръ, остался равнодушнымъ зрителемъ гибели своего имама. Въ числѣ 60 героевъ былъ и Шамиль». Далѣе идетъ длинный рассказъ, какъ солдаты уничтожили башню, какъ нашли въ ней, между грудой тѣлъ, Кази-Муллу. Потомъ авторъ прибавляетъ: «замѣйте то, что изъ всѣхъ засѣвшихъ въ гимрскомъ замкѣ остался живъ и бѣжалъ одинъ только Шамиль». — Посмотримъ, какъ Шамиль бѣжалъ и какъ онъ одинъ остался живъ. Въ Гимрахъ у Гази-Мухаммеда было войска до 600 человекъ. Дрались отчаянно съ обѣихъ сторонъ отъ восхода до заката солнца. Было холодно и дулъ ужасный вѣтеръ. Дагестанцы не выдержали и разбѣжались. Гази-Мухаммедъ, Шамиль и преданные мюриды, числомъ 15 (а не 60), вошли въ башню и стали отстрѣливаться изъ бойницъ. Наконецъ, когда изъ 15 человекъ нѣкоторые были убиты, Гази-Мухаммедъ сказалъ: «здѣсь насъ всѣхъ перебьютъ и мы погибнемъ, не сдѣлавъ вреда невѣрнымъ; лучше выйдемъ и умремъ, пробиваясь». Съ этими словами онъ надвинулъ на глаза шапку и бросился изъ дверей. Только что онъ выбѣжалъ изъ башни, какъ солдатъ ударилъ его въ затылокъ камнемъ; онъ упалъ и тутъ же былъ заколотъ штыками. Шамиль, видя, что противъ дверей стояли два солдата съ прицѣленными ружьями, вдругъ прыгнулъ изъ дверей и очутился сзади обоихъ. Они тотчасъ повернулись къ нему; но онъ изрубилъ ихъ. Третій солдатъ побѣжалъ отъ него; онъ его догналъ и убилъ. Въ это время четвертый воткнулъ ему въ грудь штыкъ, такъ что конецъ вышелъ въ спину. Шамиль схватилъ правою рукой (онъ лѣвшя) дуло ружья, изрубилъ солдата, выдернулъ штыкъ и, зажавъ рану, началъ рубить въ обѣ стороны, но никого не убилъ, потому что солдаты отъ него отбѣгали, а стрѣлять боялись, чтобы не ранить своихъ: такъ они тѣсно его окружали. Прорубаясь, Шамиль получилъ еще два удара камнемъ: одинъ разбилъ ему кость на груди, другой равилъ въ затылокъ. Въ это время онъ увидѣлъ мирнаго Черкеса, который прицѣлился въ него и выстрѣлилъ, но далъ вромахъ. Шамиль бросился за нимъ и началъ его рубить; горецъ защищался буркой, и Шамиль не знаетъ, убилъ ли онъ его, или только изранилъ. Рубя Черкеса,

Шамиль услышалъ сзади себя крикъ: «Аллахъ!» и топотъ бѣгущаго человѣка. Когда онъ узналъ, что не одинъ вышелъ цѣль изъ башни, тогда только пришла ему мысль, что онъ можетъ спастись; до тѣхъ же поръ онъ былъ увѣренъ, что умретъ. Переставъ рубить Черкеса, онъ мобѣжалъ вѣстѣ съ мюридомъ, котораго шагн слышалъ сзади. Это былъ Мухаммедъ-Али; остальные всѣ были убиты. Когда Шамиль выбѣжалъ изъ деревни, то силы его оставили: онъ упалъ и, отдавая шашку Мухаммеду-Али, сказалъ: «оохрани шашку, я умираю». Мюридъ взялъ шашку и отбѣжалъ дальше, но не успелъ совсѣтъ, а оставался въ виду Шамиля, выжидая, чтобъ шашки, которые были близко, отошли. Шамиль, придя въ себя и увидѣвъ, что солнце уже едва было видно: изъ-за горъ, вспомнилъ, что пора молиться, но лишь только началъ молиться, какъ кровь хлынула у него изъ раны и изъ горла; легкія были пробиты, и дыханіе выходило изъ раны. Когда кровотечение немного унялось, ему стало легче. Сتمпѣло. Русскіе отошли. Шамиль, съ помощію мюрида, всталъ и добрѣлъ до Унцукуля, гдѣ, пролежавъ три мѣсяца, выздорѣвалъ.

Таковъ разсказъ Шамиля. Мухаммедъ-Али живетъ и теперь въ Гимрахъ и могъ бы подтвердить слова его. Кажется, не стыдно бѣжать изъ Гимръ такъ, какъ бѣжалъ Шамиль; а что онъ остался живъ послѣ раны сквозь легкія, то въ этомъ тоже виновать. Спрашивается: какимъ образомъ Шамиль, смертельно раненый, могъ успѣть волешишь Гази-Мухаммеда, павшаго вѣ башни въ толпѣ солдатъ, въ позу, въ которой нашли его тѣло, т. е. лѣвая рука держала бороду, а правая была откинута (а не лежала на сердцѣ, какъ говорятъ авторъ статьи)?

Г. Савиновъ продолжаетъ: «Въ то время, какъ Хамзатъ, послѣ своего театральнаго сна, назвалъ себя имамомъ, мы не видимъ около него въ группѣ довольныхъ и недовольныхъ Шамиля». Что жъ удивительнаго, что Шамиль, который три мѣсяца въ Унцукулѣ не оставалъ съ ностали и былъ между жизнью и смертію да потомъ мѣсяца два не могъ сѣсть на коня, не былъ съ Хамзатъ-Бекемъ? Было бы гораздо удивительнѣе, еслибъ, смертельно раненый, онъ былъ подлѣ него.

Потомъ, «во имя истины», какъ говоритъ авторъ, слѣдуетъ разсказъ объ убійствѣ аварскихъ хановъ и о смерти Хамзата. Не буду выписывать самаго разсказа: это было бы слишкомъ

долго; пусть желавшіе слышать правду съ вымысломъ прогутъ сами, а я ограничусь только словами Шамиля, почему хановъ убилъ. Въ то время, когда Абу-Нунцалъ принялъ предложеніе Хамзата быть имамомъ, къ Шамилю пришелъ посланецъ отъ старой ханши Баху-Беки и сказалъ: «кочешь ли получить 100 тумановъ? уйди съ войскомъ сейчасъ же; а что будетъ потомъ съ Хамзатомъ, это не твое дѣло». Шамиль, не медля, сказалъ объ этомъ Хамзату, и они, видя пзмѣну, рѣшили задержать Абу-Нунцала и Умма-Хана со свитою, но не убивать ихъ, а части войска идти на Хунзахъ, столицу аварскихъ хановъ, и раззорить эту крѣпость. Во время этихъ переговоровъ одинъ изъ нукеровъ Нунцала вдругъ закричалъ: «насъ хотятъ убить!» и, выхвативъ пашку, ударилъ ею одного изъ мюридовъ, бывшихъ съ ними въ палаткѣ. Тогда началась драка. Нунцалъ убилъ трехъ человекъ (а не 20). Кончилось тѣмъ, что оба хана и 11 нукеровъ были умерщвлены. Шамиль сознается, что убилъ человекъ четырехъ; слѣдовательно, онъ не исчезалъ куда-то въ это время, какъ говорится въ статьѣ. Объ убійствѣ Хамзата въ хунзахской мечети Шамиль подробно не знаетъ, потому что не былъ въ то время въ Хунзахѣ, но ручается, что ни Хаджи-Муратъ, ни отецъ его Игинь-Мухаммедъ не убивали Хамзата, первый потому, что былъ въ это время внѣ мечети, второй же убить былъ еще при Гази-Мухаммедѣ, слѣдовательно не могъ участвовать въ убійствѣ Хамзата-Бека. Османъ, братъ Хаджи-Мурата, дѣйствительно, первый выстрѣлилъ въ Хамзата и тутъ же самъ былъ убитъ.

Неправда и то, что Шамиль зад шилъ Булачь-Хана и потомъ велѣлъ бросить трупъ въ Койсу. Шамиль просто велѣлъ бросить Булачь-Хана живаго съ обрыва рѣки, мстя за смерть Хамзата. Конечно, Булачь-Хану было отъ этого не легче; но все-таки, «во имя истины», надобно рассказывать, какъ было дѣйствительно.

Въ началѣ статьи г. Савиновъ говоритъ: «я не клеветникъ на Шамиля, тѣмъ болѣе, что принадлежу къ той націи, которая, будто бы (?), лежачихъ не бьетъ». Предоставляю судить читателямъ, на что болѣе похожъ рассказъ г. Савинова—на вымыселъ, или на правду. Кажется, онъ столько же похожъ на истину, сколько схожи съ Шамилемъ его литографированные портреты, въ которыхъ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одной живой черты

оригинала. Шамиль еще живъ: нельзя же на него сочинять, какъ на мертваго.

Г. Савиновъ выставилъ въ началѣ своего разсказа: *статья первая*; слѣдовательно, затѣмъ явятся еще вторая, третья и т. д. Можно по началу судить, какъ это будетъ все вѣрно и правдоподобно.

Д. В.

Калуга.
22 октября.